

Деремедвед Е.Н.

ОБРАЗ ПОСЛЕВОЕННОГО КРЫМА В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ АНГЛИЙСКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ МИССИС ВИЛЬЯМ ГРЕЙ (1869 г.)

Крымская земля, несмотря на свою удивительную красоту и живописную природу, обильно полита слезами и кровью. Из-за выгодного геополитического положения Крым всегда становился если не предметом политических споров, то настоящим полем брани армий различных держав, стремившихся захватить полное влияние и диктовать условия соперникам в Причерноморье. История крымского полуострова тесно связана с масштабными событиями мирового значения, в том числе с ключевыми военными сражениями, поэтому здесь много солдатских могил, одиночных и братских.

Есть в Крыму и иностранные военные захоронения, где 300 тысяч англичан, французов, русских, итальянцев, погибших во время Крымской войны 1853-1856 гг., нашли свой покой далеко от родины. Эти кладбища, устроенные сразу же после Парижского мирного договора, подвергались разрушению. Время и люди не пожалели многочисленные некрополи, поэтому они, фактически, не сохранились, за исключением фрагментарных остатков.

В этой связи небезынтересно раздвинуть толщу времени и воочию увидеть Крым после войны 1853-1856 гг. Сюда приезжали, приезжают и будут приезжать родственники погибших иностранных солдат или просто их соотечественники, чтобы отдать дань памяти павшим воинам.

В данной статье мы попытаемся восстановить послевоенный облик крымского полуострова второй половины XIX века на примере путевых заметок, сделанных некоей миссис Грей, находившейся в свите принца (в последствии - король Англии Эдуард VII) и принцессы Уэльских, которые совершили в период с января по май 1869 года ознакомительную поездку по ряду государств.

Будущий наследник британской короны ознакомился со стратегически важными странами Востока - Египтом и Турцией, посетил ведущие европейские державы - Францию, Грецию, Италию. И в этом вояже четыре дня было отведено далекому Крыму, с которым были связаны болью и утратой многие британские семьи.

Отправившись в путешествие из Копенгагена, почтенная чета побывала в Берлине и Вене, а затем отплыла на фрегате «Ариадна» из Триеста в Александрию, через порты Египта - в Константинополь, а оттуда - в Крым. На обратном пути англичане посетили Грецию и Италию. И уже в конце 1869 года в Лондоне вышла в свет книга, на страницах которой описывались впечатления упомянутой миссис Грей. Книга называлась «Дневник посещения Египта, Константинополя, Крыма, Греции почтенной миссис Вильям Грей в свите принца и принцессы Уэльских».

К сожалению, до настоящего времени текст дневника не переводился на русский язык. Хотя, по нашему мнению, он может существенно дополнить современные представления о процессе формирования образа Крыма в англоязычной литературе.

В лондонском издании практически отсутствуют биографические сведения об авторе - Терезе Грей (1837-1901). Лишь из вводной части, посвященной принцу и принцессе, а также начала главы I по крупным пунктам можно собрать краткую информацию об этой даме.

Известно, что она была родом из знатной датской семьи, жившей в городе Элгхаммар. Брат Терезы занимал пост шведского министра в Копенгагене. Вероятно, миссис Грей вышла замуж за англичанина - Вильяма Грея, но о нем нет упоминаний в дневнике, однако есть ссылка на то, что деверь Терезы, генерал Грей, помог ей опубликовать путевые записи. Сама миссис Грей, очевидно, была доверенным лицом или компаньонкой принцессы Уэльской. Тереза - не единственное имя путешественницы. Ее звали Мария Джоржина Грей, но она была известна и как Фуше Катарина Тереза Ловиза Фредерика Элизабет (фон Стединк) Грег, герцогиня Д'Отрант.

Приближенная дама принцессы вела дневник в хронологической последовательности, отмечая в нем те города и страны, которые они посещали, скрупулезно записывая имена встречающихся на пути лиц, свои собственные впечатления, где и когда обедали, кому наносили визиты, не забывая фиксировать даже температуру воздуха. Крыму, куда великосветские путешественники прибыли 12 апреля 1869 года, миссис Грей посвящает главу IX своего дневника. Одной из основных целей посещения полуострова, согласно дневниковым записям, был осмотр тех памятных мест, которые знакомы каждому англичанину со времен Крымской войны 1853-1856 г.г.

Южный берег полуострова британцы увидели около шести часов утра и через некоторое время «Ариадна» бросила якорь в Севастопольской бухте. Миссис Грей взволнованно передает в дневнике свои чувства по поводу этого события: «Казалось странным очутиться в том месте, о котором так много говорили и писали в период войны, где я даже не надеялась побывать. Как бы то ни было, все выглядело совершенно не так, как я себе представляла. В гавани - ни одного корабля, форты и укрепления, как и весь город на южной стороне, представляли собою одну сплошную массу руин. Развалины домов, укреплений и казарм сохранились в том виде, в каком они были оставлены в 1856 году, а население, как говорили, тогда насчитывавшее 60 тысяч человек, сократилось до 5,5 тысяч» [1] (здесь и далее перевод автора).

Высоких гостей встречали генерал-губернатор Новороссии генерал Коцебу и губернатор Крымской Татарии генерал Жуковский. Т. Грей заметила: чтобы приветствовать принца и принцессу Уэльских, российские представители специально приехали из Симферополя. Их сопровождали другие официальные

лица, имена которых миссис Грей записывает в своем дневнике: комендант Севастополя адмирал Кислинский, адъютант генерала Коцебу полковник барон Остен-Сакен, а также английский консул в Одессе господин Стивенс.

Приняв предложенную помощь в осмотре исторических мест, связанных с героическими событиями Крымской войны, иностранные гости в одиннадцать часов того же дня отправились на русское кладбище, где завершалось строительство Свято-Никольской церкви в память о солдатах и матросах, погибших во время обороны Севастополя. Дневник Терезы Грей запечатлел описание и захоронения, и храма: «Внутренняя отделка еще не закончена, но обещает быть чрезвычайно красивой после завершения. В храме - прекрасные фрески, мозаика на стенах, а также великолепная глава нашего Спасителя на середине потолка.

Могила, находящиеся снаружи, огромны, - в каждой из них похоронено восемьдесят человек, - с большими беломраморными надгробными плитами. Центральным объектом захоронения является памятник - бюст князя Горчакова, который был губернатором Севастополя во время осады» [2].

Изыдяв желание осмотреть русские позиции с высокого холма, путешественники побывали и на реке Альме. Так, в сопровождении присланного татарского эскорта принц и остальные господа ехали верхом, а принцесса и миссис Грей следовали в экипаже. Всюду их сопровождало эхо минувшей войны, земля была изранена артиллерийским огнем времен Крымской кампании. «...Поездка по очень неровной дороге, в которой до сих пор полно воронок от снарядов, упавших во время сражения, была не слишком приятной, и повозка вскоре сломалась, а мы пересели в более просторный экипаж, запряженный четырьмя лошадьми. Сначала мы подъехали к «восемнадцатирудийной батарее». Сама батарея сейчас разрушена, но все же еще можно различить амбразуры. Затем мы были у почтовой станции «Булиак» (*вероятно, Т. Грей имеет в виду Булиак - прим. автора*) на мосту через Альму. Мост до сих пор не восстановлен и выглядит так, как его оставили после битвы, поэтому мы преодолевали водную преграду вброд, ехали вдоль реки ... и вскоре добрались до того места, где была выстроена дивизия принца Наполеона. Затем, повернув назад, проехали вдоль всей позиции, которую занимала французская армия перед началом боевых действий, пока не достигли татарской фермы, служившей 20 сентября 1855 года полевым госпиталем...» [3].

Не просто так прибыли высокие английские гости к указанному месту. До 8 (20) сентября крымскую реку Альму не знал никто. Это название стало символом кровопролитного сражения, когда русской армии было нанесено поражение, стоившее народу России около 4 тысяч убитых и раненых. Но для англичан Альма стало символом победы и предметом их национальной гордости, несмотря на то, что эта «виктория» была одержана, в основном, благодаря превосходству технического оснащения армии союзников. Для исследователей войны является известным тот факт, что в период баталии на 100% английских штуцеров с дальностью стрельбы 1200 м приходилось 95 % устаревших ружей русских с максимальным расстоянием поражения 300 м.

После Альмы свита наследника Британской короны посетила северную сторону Севастополя, а также Качу и Бельбек.

На следующий день 13 апреля англичане в сопровождении почетного эскорта посетили старое Николаевское укрепление, а также проехали по главной улице Севастополя, ведущей к Корабельной бухте. С горечью англичанка описала разрушенный город, который не смог оправиться от войны за столь короткое время. «Действительно, печально было видеть каждый дом и большинство главных зданий ..., все еще находившимися до сих пор в руинах; различать следы ядер, отчетливо проступающие в стенах. Проходя мимо Бухтенной и Казарменной батареи, мы побывали в том месте, которое известно как «Белое здание» - госпиталь; от него остались только одинокие стены, все изрешеченные пушечными ядрами и пулями; земля вокруг покрыта руинами. В самом деле, было грустно созерцать это и осознавать, как мало сейчас вспоминают о тех ужасных сценах разрушения, которые сопровождались кровопролитием и людскими потерями. Я не могла не испытывать легкий стыд в присутствии русских, представляя, что они должны были чувствовать, показывая эти места англичанам, которые, по их мнению, могли только гордиться данными памятниками своей победы над их несчастными соотечественниками. Но они держались великолепно, даже когда указывали нам, где они потерпели поражение» [4].

После Альминского сражения Севастополь спешно готовился к обороне, ибо целью союзных англо-французских войск было уничтожение главной военно-морской базы русского флота на Черном море. Возводились бастионы, насыпались оборонительные стены, велась подготовка орудий, накапливались боеприпасы. Семь боевых кораблей были затоплены у входа в бухту между Константиновской и Александровской батареями для того, чтобы не дать вражеским военным судам подойти близко к берегу. Для англичан и французов началась осада города ("siege" - это слово часто употребляет миссис Грей), а для русских - его оборона, которая продлилась 349 дней и ночей.

Вряд ли севастопольцы, приготовившись ко всяким ужасам, могли ожидать чего-либо подобного тому, что произошло 5(17) октября 1854 года, когда они подверглись небывалому обстрелу. Гул и гром орудий слились в дикое клочотание. В городе на площадях и улицах снаряды выворачивали камни мостовых, срывали крыши домов, вырывали с корнями деревья.

Не удивительно, что даже через 13 лет после окончания Крымской войны Севастополь оставался массой руин. Поэтому в ходе осмотра города английская путешественница непременно обращала внимание на то, что везде были видны следы артиллерийского обстрела.

Не могли они не побывать и у Редана, прославившегося при героической обороне. «... Мы проехали

вдоль места расположения знаменитого Редана вперед, туда, где был возведен памятник британским воинам, погибшим в окопах во время его штурма. Линии английских траншей, петляющие во всех направлениях по полям бывших сражений, и места расположения батарей до сих пор отчетливо видны. Видеть указанные картины означает получить более ясное, по сравнению с возможностью прочитать об этом, представление о том, как они выглядели в период осады. Господа, бывавшие здесь, показали нам те места, где стояли их хижины» [5]. Миссис Грей пишет, что им повезло, так как с ними были три ветерана Крымской войны, которые побывали здесь и участвовали в боевых действиях: господин Расселл, майор Алисон и капитан Эллис. Они-то и показали своим соотечественникам наиболее памятные и интересные исторические объекты.

Также англичане побывали на месте сражения на реке Черной, Сапун-горе и поле Инкерманской батареи. «Затем мы проехали вдоль линий расположения второй бригады легкой кавалерии мимо устья реки, прозванной «Тенью смерти», к «Ветряной мельнице». Здесь в полуразрушенном флигеле мы пообедали, после чего вновь отправились на высоты Сапун-горы, откуда открывался неплохой вид на Трактирный мост и поле сражения на реке Черной. Минувя лагерь второй кавалерии, мы достигли поля Инкерманского сражения и знаменитой Насыпной Батареи, которую обессмертила бригада часовых, оборонявших ее. Здесь недалеко был убит сэр Георг Каткарт» [6].

Не обошла своим вниманием миссис Грей братские захоронения англичан на Каткартовом холме, названном в честь генерала Георга Каткарта, погибшего при Инкермане. В этом сражении 24 октября (5 ноября) 1855 года пало более 4 тысяч воинов союзной армии. «Оттуда мы поехали ... к Каткартову холму, где четверть часа потратили на изучение надгробных памятников. Многие в этом месте собрали букеты из полевых цветов для друзей тех, кто был здесь похоронен. Здесь не менее семидесяти одного кладбища и захоронения англичан, погибших во время войны. Мне стыдно сказать, но они выглядят неухоженными, не такими, какими должны быть» [7], - отмечает Тереза Грей.

Упоминает миссис Грей и о захоронениях французов, погибших в мясорубке Крымской войны, приводя число убитых - около четырех тысяч человек, которые были похоронены недалеко от Малахова кургана. Она пишет: «Затем мы проследовали по дороге вдоль бухты, минуя «малый Редан» к Малаховой башне, где во рву были похоронены почти 4000 французов. Здесь мы вышли из кареты и вскарабкались на руины старой круглой башни, которая, однако, никогда не была круглой, а имела форму подковы. Отсюда перед нами открылся восхитительный вид, что позволило оценить окрестности и протяженность оборонительной линии русских. Здесь русские воздвигли очень красивый мраморный крест в память о многих солдатах, которые погибли, защищая башню» [8].

Далее миссис Грей записывает события четырнадцатого апреля. В этот день почтенная дама размышляет о судьбе далеких от родины захоронений, о том, что французы, в отличие от англичан, очень трепетно относились к своим кладбищам в Крыму и находили возможность поддерживать их в надлежащем порядке. «Французы заботливо собрали всех своих погибших, похоронив их здесь на одном большом кладбище, и находят возможность поддерживать его в хорошем состоянии. Хотя, некоторые небольшие мавзолеи или склепы - не в лучшей форме.

Невозможно сдерживать чувства удивления и обиды при осознании того, как мало ухаживают англичане за местами захоронений своих погибших по сравнению с французами и русскими. Французы переписали имена всех, даже рядовых солдат, погибших во время осады, и заботливо сохраняют свои кладбища. Мне кажется, что мы (англичане) не уделяем этому должного внимания» [9].

Вероятно, миссис Грей не знала о том, что после окончания Крымской войны, прежде чем сесть на корабль и отправиться в Англию, британцы переписали все могилы и нанесли на карту их расположение. И уже в 1857 году в Лондоне вышла книга "The Last of the Brave; or Resting Places of Our Fallen Heroes in the Crimea and at Scutari" / «Последние из храбрецов или захоронения наших павших героев в Крыму и Скутари». На шестидесяти шести страницах было дано описание каждой могилы, надгробной плиты и эпитафии. В этом издании была даже представлена карта захоронений на Каткартовом холме с нумерацией.

Вместе с тем, утверждение миссис Грей о безучастности англичан по отношению к своим павшим на чужбине соотечественникам отчасти являлось верным и, скорее всего, было доведено до сведения членов королевской семьи, которых она сопровождала. Возможно, поэтому в 1882 году в трех километрах от Севастополя был открыт английский некрополь, получивший название Каткартова холма.

Однако вернемся к дневнику. Вместе с принцем и принцессой Уэльскими миссис Грей побывала в том месте, где был английский штаб, располагавшийся на хуторе генерала Бракера. Там стоял дом, в котором в период Крымской войны жил лорд Раглан, бывший главнокомандующим английской армией, где он умер в июне 1855 года. Тереза Грей отмечала, что ко времени пребывания свиты на крымском полуострове там уже жил отставной русский офицер. Она писала: «На стене этого дома была закреплена небольшая табличка в память о лорде Раглане, который покоится рядом на участке под мраморной плитой. Два больших кипариса, высаженных по обе стороны, смотрятся очень мило» [10]. На стене сохранившегося дома генерала Бракера действительно была мемориальная плита с надписью: «В этой комнате умер фельдмаршал лорд Раглан, командующий британской армией в Крыму, 28 июня 1855 года» [11].

Наряду с этим, почтенная чета была в Балаклавской бухте, где во время шторма (2) 14 ноября 1854 года затонул печально известный английский корабль «Принц». Из 150 моряков, находившихся на его борту, только 7 остались в живых. Тогда под Балаклавой Англия утратила 11 военных судов и транспортов.

Эта катастрофа нанесла ощутимый урон Британской армии, лишив ее снаряжения, медикаментов и боеприпасов.

Высадившись на берег, путешественники отправились на поле Балаклавского сражения, где 13 октября 1854 года произошло событие, которое сделало этот день траурной датой в военной истории. По свидетельствам историков, Лорд Раглан, раздосадованный потерей крепостных орудий на Кадикойских высотах, отдал роковой приказ отбить пушки, послав туда бригаду легкой кавалерии. Выждав, когда бригада лорда Кардигана на полном скаку влетела в долину между Федюхиными высотами и редутами и «попала в мешок», русские встретили их сильными перекрестным огнем. Безрассудная атака дорого обошлась Англии. «Потери легкой бригады ... составили 102 убитых (из них 9 офицеров), 129 раненых (из них 11 офицеров) и 58 плененных...» [12]. Бедствием, непревзойденным в истории, назвала гибель кавалерии английская печать, а место это окрестили «Долиной смерти».

В ноябре 1854 года небольшое стихотворение известного английского поэта Альфреда Тенниссона «Атака бригады легкой кавалерии», состоящее из шести неравных по объему строф, впервые появилось в британской газете "The Examiner" [13]. Это стихотворение выражало те самые чувства горечи и печали, которые испытали все британцы после трагедии в «Долине смерти»:

Кавалерия, вперед!
Был ли кто напуган там?
Ни один из них не знал,
Что отдан приказ безрассудный.
Не их это дело – рассуждать,
Дело их простое – сражаться и умирать.
В долину смерти
Мчались все шестьсот...

Отвлекаясь от осмотра известных в контексте событий Крымской войны мест, миссис Грей в своем дневнике уделила достаточно большое внимание изображению впечатливших ее отдельных картин крымской природы.

Так, англичане посетили Георгиевский монастырь и с высокого утеса, на котором он находился, насладились прекрасным видом Черного моря. Недалеко от Георгиевского монастыря во время Крымской войны располагалась ставка британцев. Обосновавшись в Балаклаве, английские войска обеспечили себе возможность получать подкрепление со стороны моря. В Балаклаве они устроили «маленький Ливерпуль» с магазинами и увеселительными заведениями. Привыкшие к комфорту, они и здесь, далеко от родной Британии, пытались обеспечить себе сносное существование. Англичане проложили подводный кабель от города Варны до Георгиевского монастыря, что позволило им пользоваться электрическим телеграфом. Всего лишь в течение нескольких часов они могли связаться с Лондоном и Парижем. Также была построена железная дорога от Балаклавы до окраин Севастополя, о которой упоминает и миссис Грей: «Мы продолжили путь дальше по дороге, на которой еще видны следы железнодорожного полотна, пролежавшего через Кадикой и Балаклаву. Здесь было намного меньше следов войны, и почти единственными реликтами прошлого являлись многочисленные разбитые бутылки, свидетельствуя о том, где именно стояли лагерем британские солдаты» [14].

Миссис Грей находит великолепной и живописной природу Крыма: «Проезжая мимо деревни Кадикой, ...мы продолжили свой путь через прекрасную Байдарскую долину. Даже теперь она была довольно привлекательна. Можно только представить, какой восхитительной она должна быть в зеленом убранстве при наступлении теплой погоды. Сейчас же долина выглядит совсем по-зимнему.

Мы сменили лошадей в Байдарах и поднялись на холм к почтовой станции Байдары, проехали через Фаросский проход - каменные ворота на вершине холма на высоте 3000 футов над уровнем моря. Оттуда вид был действительно грандиозным и прекрасным» [15].

Затем принц и принцесса со свитой отправились в Ливадию – крымскую резиденцию российских императоров. Эта поездка навсегда запомнилась почтенной миссис Грей. И хотя она принадлежала к сдержанной и рассудительной шведской нации, однако сама удивилась тому, что поездка по опасной своими крутыми поворотами дороге так захватила ее. Вот что пишет миссис Грей: «...мы вновь отправились в путь и бешено мчались вниз по извилистой дороге вдоль берега то под нависшими величественными скалами, то над крутыми обрывами. Время от времени мелькали виллы, а возделанные поля убежали прямо к морю. Я не могла себе представить более прекрасную поездку и должна сказать, что была совершенно очарована красивейшим горным пейзажем в сочетании с цивилизованным видом обработанной земли. Ничего подобного я не встречала уже давно. Поездка, тем не менее, была очень утомительной. Мы приехали в Ливадию - летнюю резиденцию российской императрицы, где должны были остановиться на ночь не раньше пол десятого вечера. Расстояние от Симферополя - шестьдесят пять миль и, учитывая то, что мы отправились поздно, а также, принимая в расчет наши многочисленные остановки и отклонения от основного маршрута, можно себе представить ту скорость, с которой мы ехали. Иначе говоря, казалось, что мы парим по воздуху, даже не задерживаясь на самых крутых поворотах, так как дорога на протяжении всего пути стремительно несла нас вниз. Я испытывала смешанное чувство: веру в кучера и лошадей и в то же время убежденность, что если вдруг произойдет несчастный случай, то ничто на земле вас не

спасет, потому как, с одной стороны, почти перпендикулярно над вами поднялись скалы, а с другой - под вами разверзлись ужасные пропасти. И хотя уже стемнело, а у нас не было фонарей, мы скакали всю дорогу галопом в том же неистовом темпе. Странно сказать, но это меня скорее развлекло, чем напугало» [16].

В Ливадии англичан встречал граф Стебах, чьи предки, как отмечает Тереза Грей, были родом из Швеции, как и она сама. Путешественники были поражены, узнав, что граф был послан из далекого Санкт-Петербурга для оказания радушного приема высоким гостям.

Ливадия очаровала Терезу Грей своим спокойствием и умиротворением. Именно так представляла она себе то место, где можно было бы скрыться от мирской суеты. Приехав в Ливадию ночью, путешественники не имели возможности по достоинству оценить ее природу. Но, увидев ее при солнечном свете, они были изумлены ее уникальностью и совершенно очарованы ее красотой. Вот как миссис Грей описывает свои впечатления о Ливадии: «...но сейчас, при дневном свете, имея полное представление о расположении и грандиозном пейзаже, который ее окружал, я могу с уверенностью сказать, что этот небольшой уединенный уголок кажется истинным раем. Перед нами были огромные гранитные обрывы, поднимающиеся к вершинам, покрытым снегом, и море по другую сторону – все это вместе образует природу восхитительной красоты, с которой, по словам тех из нас, кто бывал в Швейцарии, даже эта страна и близко не может сравниться. При осмотре окрестностей в этих местах и сада, в котором много прекрасных цветов, Ливадия кажется тем уголком, о каком можно только мечтать, как об обители мира и счастья, так редко встречающихся на земле. Один час - именно это время было у нас в распоряжении – был слишком коротким для знакомства с ее красотой. Мне остается только желать, чтобы Ливадия находилась ближе к Англии, и у меня был шанс увидеть ее снова» [17]. Судя по дневниковым записям, она искренне сожалеет, что Британия находится так далеко от этого райского уголка, и, наверняка, она никогда больше не сможет увидеть вновь эти удивительные места.

Дама из высшего света, миссис Грей, одобрительно отзывалась о внутреннем убранстве Ливадийского дворца – никакой вычурности, все просто, но со вкусом. «Ливадия, где мы провели сегодняшнюю ночь, является исключительной жемужиной покоя и красоты, устроенной в соответствии с самым изысканным вкусом - все так прекрасно, хотя и просто - ничего кричащего, никаких позолоченных или шелковых портьер. Это как раз то, что отвечает моему идеалу, каким должно быть то место, куда хочется упорхнуть на покой от суетливой и вычурной городской жизни» [18], - читаем мы в ее дневнике.

Кроме императорской резиденции принц и принцесса Уэльские посетили и другие имения, принадлежавшие членам царской семьи и знатным русским аристократам. Самым прекрасным дворцом в Крыму миссис Грей, конечно же, считала Алушкинский дворец графа Михаила Воронцова. Ведь было известно, что этот великолепный образец дворцово-паркового ансамбля был спроектирован английским архитектором Эдуардом Блором, одним из создателей Букенгемского дворца в Лондоне, а также строителем замка Вальтера Скотта в Шотландии. Кроме того, этот дворец был возведен под руководством другого английского архитектора - Вильяма Гунта. Принадлежность дворца к культурам двух стран - России и Англии - не могла оставить равнодушными английских путешественников, которые везде, где бы они ни находились, искали отголоски своей далекой родины. Миссис Грей пишет: «Вскоре после завтрака мы уехали в небольшие дрожки, чтобы посетить несколько других вилл по соседству. Первая, находящаяся недалеко от Ливадии, принадлежала цесаревичу. По той же дороге, по которой мы проехали вчера, мы попали в имение Великого Князя Константина и так далее вплоть до Алушки, самой прекрасной виллы графа Воронцова. Граф Трубецкой, брат графини Воронцовой, приехал сюда по ее просьбе, чтобы принять принца и принцессу Уэльских. Мы осмотрели дом изнутри и снаружи, восхищаясь всем сверх меры...» [19].

Тем временем фрегат «Ариадна», доставивший путешественников к берегам Крыма, уже был готов отправиться в обратный путь в Англию. Пришло время прощаться. С искренним сожалением пишет Тереза Грей о необходимости покинуть этот тихий и прекрасный уголок. Посетив множество стран на своем пути, она отмечает, что только о Крыме будет вспоминать с большой теплотой. Эти несколько дней на полуострове были по ее словам, самыми счастливыми за все долгое путешествие. «Все наши русские друзья прибыли на борт попрощаться. В конце концов, попрощавшись с ними, мы покинули Крым в семь часов, и я весьма сожалела, что время, проведенное нами в этой прекрасной стране, было столь коротким. Четыре дня среди этих чрезвычайно любезных и гостеприимных русских были самыми счастливыми. Я полагаю, что за время нашего путешествия не было ни одного подобного уголка, о котором я вспоминала бы с большим удовольствием. Только теперь я осознаю, что время, предоставленное нам, было слишком непродолжительным, чтобы мы в полной мере, как бы нам того хотелось, могли насладиться нашим пребыванием на этом чудесном побережье» [20].

Несмотря на оказанный англичанам радушный прием, все же впечатления о местах баталий Крымской войны были еще яркими, и миссис Грей невольно вспоминала о тех разрушениях и человеческих жертвах, унесенных войной тогда, тринадцать лет назад. Виновниками этого устрашающего по своим размерам кровопролития были, в том числе, и ее соотечественники. Тереза Грей чувствовала себя частично причастной к этой трагедии. Мысли, полные горького сожаления и сострадания к русским, она доверила своему дневнику после того, как «Ариадна» покинула Крым: «Я должна добавить, прежде чем покину Крым, что я была поражена безмерной добротой и искренним гостеприимством, с которым нас везде встречали русские. Принимая их сердечное внимание, было невозможно не думать обо всех тех обидах и утратах, которые мы им нанесли. И все же они показывали места, где произошли самые значимые события, с таким дружеским расположением, что нельзя было не растрогаться. Без всякой враждебности они сами ука-

зывали на свои собственные ошибки. Но когда я думаю о том, какое впечатление произвел на меня, совершенно постороннего человека, Севастополь и его бухта, первый – в руинах, а вторая – без единого корабля, я хорошо могу представить себе, какое у них должно было быть чувство обиды и унижения. И как бы хорошо они его не скрывали, это чувство, вероятно, возникает у них всякий раз при виде картины руин и запустения, и обязаны они этим, главным образом, нашим соотечественникам» [21].

Их путешествие закончилось в Италии. Король этой страны торжественно посадил англичан в специальный поезд до Парижа, а оттуда до Кале, где через пролив Дувр они отплыли в Англию. Тереза Грей с сожалением писала о том, что их удивительная поездка закончилась. И хотя она доброжелательно относилась к народам тех стран, которые посетила, все же западноевропейский менталитет давал о себе знать. Прибыв в Италию, миссис Грей отмечала, что закончилось путешествие по Востоку, к которому она относилась и Крым, хотя он уже давно являлся частью такой могущественной державы, как Россия. «Здесь я буду заканчивать свою длинную историю. Увы, наше путешествие по Востоку подошло к концу, и мы – опять в цивилизованной Европе со всей монотонностью ее повседневной жизни, и уже больше не было желания описывать те места, где мы останавливались поесть, или официальных лиц, которые встречали нас на различных станциях во время нашей поездки [22].

Посещение мест военных действий времен Крымской войны 1853-1856 гг. способствовало выражению личного отношения Терезы Грей к войне как антигуманному явлению в целом. Она призывала к терпимости и пониманию, как единственно правильному способу сосуществования наций. Покидая Крым под впечатлением от увиденного, англичанка записала в своем дневнике несколько строк, которые наглядно отражают собственную оценку автора дневниковых записей произошедших здесь в недавнем для нее прошлом событиям. Мы читаем в ее дневнике: «На войне как на войне!» - могло бы быть ответом на мои раздумья. Так и было сказано мне, когда я попыталась выразить эти мысли вслух. Я полагаю, что так будет всегда, пока нации не перестанут обращаться для разрешения своих конфликтов к ужасному, и, по моему мнению, нехристианскому методу - войне» [23].

С подобными горькими раздумьями Тереза Грей, герцогиня Д'Отрант весьма неохотно попрощалась с Крымом, которому навсегда суждено было стать местом паломничества англичан.

На крымской земле навсегда останется кусочек Англии, где нашли последний приют тысячи британских воинов. И еще не одно поколение жителей Туманного Альбиона будет обращаться к теме Крымской войны, вновь и вновь осмысливая это событие. Еще долго им придется задаваться вопросом, ради чего тысячам их предков пришлось стать обитателями огромных некрополей так далеко от родных берегов.

Одно из захоронений в 1939 году посетил молодой поэт Константин Симонов, впоследствии написавший стихотворение «Английское военное кладбище в Севастополе»:

«... сержант покойный спит здесь.
Ради бога,
С почтением склонись пред
этот крест!
Как много миль от Англии, как много
Морских узлов от жен и от невест.
В чужом краю его обидеть могут,
И землю распахать, и гроб сломать.
Вы слышите! Не смейте, ради бога!
Об этом просят вас жена и мать!
Напрасный страх. Уже дряхлеют даты
На памятниках дедам и отцам.
Спокойно спят британские солдаты.
Мы никогда не мстили мертвецам».

Комментарии и литература:

1. Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece in the suite of the prince and princess of Wales by the Hon Mrs. William Grey, London: Smith, Elder & Co, 15, Waterloo Place, 1869, с. 173
2. Там же, с. 175.
3. Там же, с. 176.
4. Там же, с. 177-178.
5. Там же, с. 178.
6. Там же, с. 179.
7. Там же, с. 179-180.
8. Там же, с. 180.
9. Там же, с. 182.
10. Там же, с. 182.
11. Шавшин В.Г., Над «Долиной смерти» (Балаклавское сражение), Симферополь, «Таврия-плюс», 2002, с. 101.

12. Там же, с. 87.
13. Ищенко Н.А., Крымская война 1853-1856 г.г., Симферополь, Крымский архив, 2002, с. 95.
14. Teresa Grey, указ. соч., с. 183.
15. Там же, с. 183-184.
16. Там же, с. 184-185.
17. Там же, с. 186.
18. Там же, с. 185.
19. Там же, с. 187.
20. Там же, с. 187-188.
21. Там же, с. 188-189.
22. Там же, с. 202.
23. Там же, с. 189.